

МАРИЯ ЛАБЫЧ

ПУТЬ ТАРБАГАНА

Мария Лобыч
Путь тарбагана

«ФТМ»

2020

Лабыч М. Г.

Путь тарбагана / М. Г. Лабыч — «ФТМ», 2020

ISBN 978-5-4467-3563-1

Небольшой поселок, некогда крупный порт отступившего моря. Ныне затерянный в песках спутник умирающего города. Наши дни. Глобальное изменение климата повлекло за собой череду катастроф. Новые условия поставили людей на грань выживания. Среди них «пришлые» исследователи природных феноменов и исконные жители с самобытной культурой, медики и шаманы, историки и военные, старики и подростки. Странные болезни, тотальная нехватка воды, токсическое действие донных отложений. Тонкий мир духов из прошлого – возможная игра подсознания. Случайная встреча двух давних «заклятых» друзей заново перекраивает их жизнь, позволяя разрешить загадку Мертвой долины. А может быть, и снять проклятие исчезнувшего моря.

ISBN 978-5-4467-3563-1

© Лабыч М. Г., 2020

© ФТМ, 2020

Содержание

1	6
2	12
3	17
4	23
5	27
6	30
7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мария Лабыч

Путь тарбагана

© Текст. Мария Лабыч, 2020
© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

1

10:13 а.т.

Ее дыхание замедлилось. Новый вдох. Выдох...

Сухая салфетка все медленней скользила по поверхности окна. Стерильное ничто стекла, и цель видна, как на ладони.

Вдох. Ладони сухие и теплые.

Щуплая молодая женщина, по виду гастарбайтер второго колена, торопливо оттирала плевков на панорамном окне третьего этажа «Рэдиссон». Острый локоть то выскакивал из синего рукава, то нырял обратно. Темный хвост под хозяйственной синей резинкой скакал по лопаткам. Рядом породистый телохранитель ожидал у двери патрона. Изящная блондинка простучала шпильками через фойе и исчезла у лифтов. В тишине отчетливо стал слышен спиральный звук движения салфетки по стеклу. За окном на площади у здания отеля три джентльмена, активно жестикулируя, пытались прийти к соглашению. Без успеха. Пять минут переговоров, и один из них принял решение. Он замолчал, отрицательно покачал головой и открыл дверцу своей машины. С его стороны разговор окончен.

До оскомины обычные будни столичного отеля, серая суета с оттенком утра понедельника.

– Есть, – вдруг тихо произнес охранник и машинально придержал жабру пальцами.

К этому моменту тело уборщицы окончательно выровняло каждый свой импульс.

– Толстый брюнет, желтый портфель.

С этой фразой охранник вынул из-под пиджака и передал ей пистолет. Дыхание девушки замерло между вдохом и выдохом. Она приняла оружие, следом услышала одинокий удар своего сердца, прицелилась и выстрелила сквозь стекло. Сухой хлопок отстал от спуска.

Секунду отверстие в стекле шипело, втягивая воздух, в острых сколах играло солнце. На площади один из оппонентов не завершил намерения. Он рассеянно помедлил и вдруг нелепо завалился в салон машины. Яркая песочная туфля оторвалась от замощенного двора и, качнувшись, повисла в воздухе. Туфля цвета портфеля.

Собеседники не сразу поняли, что их осталось двое.

А в коридорах отеля тревожно захлопали двери.

– Что это? Выстрел?

– Выстрелы, вы тоже слышали?

– Когда?

– Ну вот, сейчас. Только что...

Тут к паникующим гражданам выдвинулся серый телохранитель, небрежно поправляя полу пиджака:

– Внимание. Всем отойти вглубь помещения. Огонь ведется через окна. – Он указал на дырку в стекле.

Неполный десяток любопытных волной отхлынул от окон. Иные в направлении своих комнат.

– Полиция? – робко просипела престарелая гражданка.

– Совершенно верно. Полиция в пути. Всех прошу сохранять спокойствие.

– Но как же... ой, тут девочке плохо.

От испуга молодая уборщица рухнула, как подкошенная. Активная престарелая гражданка едва успела затормозить ее падение, не то бедняжка наверняка разбила б голову о плиты пола. В конце концов она все же выскользнула из ревматических рук и растянулась лицом вниз. Хвост замел пол, худой локоть в синем рукаве неловко вывернулся.

– Вернитесь к себе, – равнодушно посоветовал охранник. – Поверьте, вас всех еще пригласят.

– Она ранена? – во вдохновенном приступе паники спросил кто-то.

Охранник присел и грубовато перевернул девушку лицом вверх.

– Обморок. Испугалась.

Он поднялся с озабоченным видом:

– Расходитесь.

Неловко он поднял уборщицу и понес в сторону лифтов.

– Но ведь вы вызвали полицию? – чуя неуловимое неладное, вслед охраннику крикнула активная престарелая.

Не замедляя шаг, телохранитель посмотрел в окно. Там робким и настойчивым кружком собрались свои зеваки, заметно тормозя стремительного человека в синей униформе.

«Что-то быстро».

Один из собеседников мистера Желтого портфеля тем временем присел и прятался за его машиной. Другой кинул взгляд на окна отеля и посмотрел, казалось, прямо в лицо телохранителю. Но вдруг задрал голову и стал изучать крышу.

У служебного входа охранник оглянулся:

– Не волнуйтесь, через минуту полиция будет здесь.

Охранник и уборщица спустились по служебной лестнице и порознь покинули здание за минуту до оцепления.

10.44 a.m.

Она увидела напарника у киоска неподалеку от входа в метро. Светило весеннее солнце, слух терзали трамваи, разрывались пыльные воробьи. В тени козырька охранник из отеля изучал боковую витрину, наглухо заставленную прессой.

– Хай, бади. Классные очки. Папины? – услышал он из-за плеча. Хрипловатый голос принадлежал уборщице из отеля. А внешний вид, на сей раз, студентке хорошего вуза гуманитарного направления. Ее респектабельному брючному костюму мешали заскучать высоко выбритые татуированные виски, хорошо видные под собранными в хвост волосами.

– Ты задержалась...

Он оглянулся и с сомнением осмотрел ее голову, как некий самостоятельный необычного вида предмет.

– Это ирокез, – сообщила она. – А что?

– Ты сделала это где-то здесь, в подворотне?

– Бери выше. – Пригласительным жестом она указала на ряд приветливых синих кабинок. – В сортире.

Лицо ее торжествовало. Он задумался на секунду и сказал:

– Сомневаюсь, что кому-нибудь, кроме меня, это понравится.

– Я знала, что ты оценишь.

Они спустились в метро, продолжая коротко переговариваться.

– Без проблем? – дежурно спросил он.

– У меня чисто. Кто это?

– Теперь никто.

– Есть подтверждение?

– Пока только ментовские переговоры. Радиокод «убийство», однозначно.

Они внедрились в толпу.

– С тобой приятно работать. – Он протянул руку для пожатия.

– Стоп-стоп-стоп. Тритон, ты что? Что еще за сантименты?

– Молчи. Слушай. Думаю, в ближайшее время мы никому не понадобится. Отдыхай, Тамагочи. Документы в ячейке. Счет закрой сразу. Ты все знаешь, но напомнить – не лишнее. Если каникулы затянутся, не пугайся нового напарника. Я подумываю отойти от дел.

«А это возможно?» – мысленно спросила она. «Разумеется, нет» – вот единственный возможный ответ.

Он что-то задумал. Тамагочи всмотрелась в его лицо и не нашла ничего необычного.

Ей неожиданно польстило, что он признался. Несомненный признак доверия. В их деле такие вещи выясняются к концу знакомства.

– Я в сторону центра. Ты?

Вопреки инструкции они поехали одним составом. Он уступил даме ближайший второй вагон и в последний момент впрыгнул в первый, чуть придержав ладонью дверь.

11.14 а.т.

Состав мчался, завывая на поворотах.

«Гад Тритон. Испортил-таки настроение».

Уже сейчас Тамагочи знала, о чем подумает, когда возникнет новый напарник. Что какая-то милая студенточка, например, гуманитарного вуза проделала в теле Тритона правильную дырку. Чтоб не рыпался.

«А может, и получится, – без тени надежды подумала она. – Мы отморозки».

Вагон качнулся. Девушка рухнула на лавку. Напротив молодая цыганка с грязными руками кормила грудью малыша. Высокий школьник жадно заглядывал из-под локтя, держась за поручень. Близорукая девушка в нелепом розовом пальто читала, почти касаясь носом книги. Стесняется носить очки. Долговязый морской офицер с командировочным чемоданчиком подпирал надпись «не прислоняться». Лысый старик с мохнатыми бровями и осанкой танцора опирался на трость, уставившись в одну точку. Толстуха с кроссвордом заняла пол лавки, прикрыв перчаткой лист от любопытных. Непонятно чья девочка пяти лет в желтых резиновых сапожках прогуливала плюшевого медведя между сидениями.

Тамагочи взглянула на часы. Покемон на циферблате указывал на одиннадцать. Встретилась взглядом со своим отражением в стекле – в лице было что-то от покемона с часов. «Это потому, что мы отморозки».

Она вставила наушники в уши, прикрыла глаза, и забыла включить плеер.

«Двадцать минут назад был человек. У человека был желтый портфель и такие же туфли. Живот, одышка и дорогая тачка. Умер человек – и с этого момента я ничего не чувствую. Не он первый, не он последний. Я и Господь Бог занимаемся одним и тем же. Только я делаю это гораздо реже... Упс, не туда. Не в суде, оправданий не требуется».

Как там... Был человек. Ты спускаешь курок... то есть, я спускаю курок... и навсегда избавляю его от одышки».

Она ухмыльнулась. Он ненастоящий. Все дело в том, что он ненастоящий! Желтые туфли? Да хоть зеленые! Мы все – покемоны в зоне прямого прострела. Нас нет.

На лавке напротив цыганку сменила женщина-подросток с тревожным и пустым лицом. Беременна, похоже.

«Тритон хороший. Только бы у него получилось!» – пыталась молиться Тамагочи, когда действительность настойчиво потребовала ее внимания. Она удивленно открыла глаза – ничего нового. Вагон неполный. «Танцор». Толстуха. Беременная. Что не так? Она сосредоточилась. Беременная... Отекшее лицо, бесформенная куртка. По виду, так жить ей не хочется. В таком положении это бывает. Тамагочи прямо посмотрела ей в глаза и в ответ получила бессмысленный скользкий «взгляд в себя». Будто вокруг той жгучая пустота, от которой пора избавиться. Левая рука на коленях под животом. Правая едва заметно вздрагивает в кармане. «Четки?» Взгляд Тамагочи стал болезненно острым. Левая рука сидящей осторожно коснулась живота и

немедленно легла на прежнее место. Как на стоп-кадре Тамагочи увидела, как в момент прикосновения неправдоподобно провалились пальцы относительно ладони: ее живот не круглый. На нем многосегментное устройство, и пальцы попали в проем. А в кармане, наверное, телефон или просто кнопка.

Поезд начал торможение, приближаясь к станции.

Что нужно делать?

«ЧТО ДЕЛАТЬ? Кнопка связи? Не успеваю. В толпе кричать: все на пол, бомба? Тритон бы знал наверняка!»

Бесконечную секунду Тамагочи тупо смотрела на раскрывшуюся дверь... и стало поздно. Она увидела лицо напарника в проеме и едва открыла рот, как он сорвал ее с лавки и выбросил из вагона навстречу входящим пассажирам с такой силой, что она упала, разбив подбородок о мраморный пол. И прогремел взрыв.

11.22 a.m.

Короткий болевой удар в ушах отрезало как ножом, звуки оглохли. Сверху посыпались острые мраморные осколки. Она приподняла голову, провела языком по зубам и сплюнула кровь. Оглянуться не успела: тяжелый удар по затылку вернул ее голову к полу. Нога споткнувшегося на миг опустилась перед лицом. Белая, с кошкой на пятке. Хорошо, что не ботинок. Не имея возможности повернуться, Тамагочи не видела происходящего за спиной. И едва смогла сгруппироваться, когда по ее спине, съезжая по ребрам, начали ступать ноги. Много ног. Спина промокла, но, по ощущениям, это была не ее кровь. Кто-то мешком свалился рядом и не дышал. О него спотыкались и падали сверху. Запахло едким синтетическим дымом, казалось, слышен гул огня. Кто-то задыхался у самого ее уха, непрерывно повторяя: «Мамочка, мамочка». Реже и реже.

Детали валились во все уплотняющуюся кучу, встать было уже невозможно. Тамагочи с усилием перекатилась через навал и боком отползла за колонну. Задыхаясь скорее от страха, чем от дыма, она, что было сил, закричала:

– Тритон! Тритон, Тритон!

И себя не услышала. Она вжалась спиной в колонну и продолжала немо кричать, зажимая уши руками и зажмурив глаза, ни на что не надеясь. Бесконечно долго. Он не шел. Он остался в вагоне.

А пассажиры все бежали, пока не запрудили холл станции. Казалось, этому потоку не будет конца. Из рупоров зазвучали короткие каркающие команды, но она не понимала их содержания. Потом толпа поредела, и к развороченному вагону начали протискиваться люди в шлемах и бронежилетах. Тогда она решила, что тоже может подойти. Встала, пригнулась и двинулась вслед за вооруженной цепью. Ей преградили путь и вежливо велели оставаться на месте и ждать медиков. От беспомощной злобы она чуть не кинулась на автомат, но тут увидела Тритона. Он сидел у ее же колонны, но со стороны взорванного вагона.

Она рванулась к нему, но он едва заметно отрицательно качнул головой. Сверху крови почти не было, только мелкие ссадины. Он часто дышал и крепко прижимал к животу руку.

– Что?

– Ты цела?

– Что там?! – Она требовательно смотрела на руку.

– Не очень.

Он ободряюще улыбнулся. Промежутки между зубами окрашивала кровь. Голос был обыкновенным, только дыхание заметно учащалось.

Она чуть-чуть отвела его руку, и сразу прижала обратно. Там была сплошная пузырящаяся каша и торчало что-то металлическое.

– Тритон, ты выживешь. Сейчас. Сейчас я кого-нибудь приведу.

– Молчи. Слушай. Другого шанса не будет. Уходи сейчас. И хватит метаться под камерами, они все это отсмотрят.

– Я только позову...

– Нет! Ты сюда не вернешься, или я зря тебя вытащил. Не дай им шанса. Ты уйдешь сейчас. До того, как схлынет толпа, ты поднимешься на поверхность и поедешь прямо на автовокзал. Шмотки купишь в переходе. Из страны – не раньше, чем через полгода. Последний счет не трогай, хоть с голоду будешь подыхать. Пообещай мне.

Голос его сбивался и гас. Она подползла совсем близко и прикоснулась лбом к его виску.

– Ты умрешь?

– Не сейчас.

– Мне страшно. Там в вагоне мертвые люди.

– Успокойся, Тамагочи. Представь, ты свободна. Повтори.

– Я свободна... (без смысла). Я ничего больше не умею.

– Никто ничего не умеет. Пока не научится.

– Я буду по тебе скучать. Всегда. – Тамагочи втянула носом кровь.

Ей показалось, что сейчас... вот уже сейчас она не выдержит. Отчаяние прорвется истерикой, и ничего не надо будет делать и никуда идти.

– Не будешь, – услышала она в ответ. Его голос трезвил, обуздывал панику.

– Я тебе нравлюсь? – неожиданно для себя самой спросила она.

– Нет. Тебе вообще не идет ирокез. Ты наивная дура, стриженная под подростка-головореза. Ты ошиблась один раз, но ты умна и не повторишь ошибку. И не смей думать по-другому.

Он прикоснулся пальцами к ее обритому виску, потом грубо оттолкнул ее голову.

– Вперед. За нас обоих.

Она поднялась с колен и, не оглядываясь, побрела по перрону. К ней подбежали спасатели, но она показала им на Тритона. Он уже потерял сознание.

– К нему, прошу вас. Он жив. Я в порядке. Прошу вас...

Ее подтолкнули к носилкам. Тогда она стянула окровавленный пиджак и задрала майку до подбородка. Повернулась. Ее бегло осмотрели и отпустили.

«Северный вестибюль!» Она шла, через шаг спотыкаясь. Но не вглядывалась в предметы, валявшиеся всюду. Обувь, сумки, какие-то папки... попадались и более странные формы с черными подтеками. Она сразу отворачивалась.

«Северный вестибюль».

Трупы уже убрали с перрона, они лежали в ряд между колонн в центре зала. Лица под мешками для уборки. Раненых было гораздо больше, их продолжали сносить ближе к перегруженному эскалатору и укладывать на пол. Многие были неподвижны. Другие бились, их держали за голову и ноги. Здесь и там стояли пассажиры, на весу держа в руках капельницы. Под ними ползали врачи. Кому-то били в грудь, пытались завести вручную сердце. Кололи вены, накладывали жгуты, накидывали дыхательные мешки. Тамагочи подумала, что здесь стоит стон, крик, плач. Но не слышала этого. В голове звенел высоковольтный звук неподвижного поездного состава.

Внезапно она уперлась в сталь забора. Знак «стоп», и дальше хода нет.

«Северный вестибюль!» – прокаркал рупор сотый раз. Но она не помнила, что это такое. Жестами дежурный пытался что-то показать, потом отнял машинку от лица и заорал:

– Назад! Выход там! Здесь пострадавшие!

Сообразила. Повернула. Навстречу по свободному пути, не останавливаясь, пронесся поезд. Тамагочи ослепили пустые окна, а порыв воздуха чуть не сбил с ног. Она словно очнулась и заплакала. Ей хотелось сейчас же вернуться к Тритону. Но он знал, что она этого не делает. Значит так и будет. Сквозь бесконечно длинный холл забытых туфель она брела обратно

к все убегающему эскалатору, мучительно вызывая в памяти его лицо. Оно исчезло, стерлось бесследно. Она не знала его имени, он не знал ее.

Преследовало другое видение, которое она долю секунды могла видеть за спиной человека с автоматом. Неподвижный состав в ярко освещенных окнах. Провалом в нем полутемная искореженная половина второго вагона. Поручень выломан и кривой пикой торчит из раскрытой двери. Состав пуст, и только в этой части сквозь выбитые стекла видны люди. Они сидят на прежних своих местах. Это старик и подросток. Подросток склонился, будто уснул. А старик, как живой, глядя в одну точку, продолжает удерживать коленями палку. На коленях подростка лежит голова толстой женщины, а ее выгнутая в обратную сторону рука в перчатке упирается в пол. Из-за сидения видны косолапо скошенные ноги девушки в розовом пальто. У закрытых дверей на полу сидит офицер. Его ноги подогнуты, а запрокинутая голова удерживает затылком оттопыренную фуражку. Обшивка вагона сплошь покрыта облупленными вмятинами. Брызги на стенах. На пятнистом полу в темных жирных лоскутах и мелком железном соре раскрыт залитый кровью кроссворд со скабресными картинками. И звон. Высоковольтный звон.

Эта картина будто выгорела в ее сознании. Тамагочи непрерывно видела ее перед собой и открытыми и закрытыми глазами.

Желтый маркер эскалатора, как удар тока. «Девочка. Где девочка?» Мысль оглушила. «Девочка, маленькая, с медведем. Что с ней?» Лента поручня надежно зацепила руку, и жесткая рифленая ступень уже тащила Тамагочи вверх. Она неловко повернулась и начала спускаться против движения эскалатора. «Среди трупов ее не было, я заметила бы такой маленький. Среди раненых?» Сбивая редких встречных, она попыталась сбежать вниз, но все не успевала. Стальное полотно тянуло прочь. Как во сне, из последних сил она бежала на одном месте, видя перед собой все те же пустые глазницы вагона. Наконец, обессилив, она споткнулась в последний раз, села на ступень и закрыла лицо руками. Наверху ей помогли встать чьи-то сильные руки, и в общем потоке она была вынесена на улицу.

Свет дня ослепил ее. Светило весеннее солнце, слух терзали трамваи, разрывались пыльные воробыи.

2

Девушка заглушила мотор и выпрыгнула из кабины. В свете мощного фонаря трактора поле выглядело, как полторта. Скучная пшеница белела с правой стороны, слева чернела перепаханная земля с торчащими клоками соломы. Хорошего понемножку. Тома бросила трактор там, где закончила пахать, и потащилась вперед, на ходу стягивая пыльные рукавицы. Спину ломило. Погасли фары, и стало заметно, что мрак расслоился и поредел. Ночь отступала.

Тома миновала сетку ограждения и устало побрела в сторону поселка по пустой, едва различимой в темноте дороге. Вдоль границы полей на бетонных столбах в два ряда тянулась колючая проволока. За ней по обе стороны в раннем свете поблескивали сухие метлы кукурузы.

В кабине поуютней. Тома ссутулилась и зябко обхватила себя за плечи. Без мерного звука мотора она чувствовала себя голой и уязвимой. Стояла мертвая тишина. Вдруг неподалеку шевельнулась пара стеблей, и по полю метнулся сухой полый шорох. Тома тревожно огляделась, прислушиваясь. Смолкло. Она снова поежилась, стянула платок со лба и отерла им лицо. Каменистая пыль оцарапала лоб.

Внезапный порыв ветра вырвал платок из рук. Тома поймала его, прижав ногой к земле. На секунду все вокруг застыло, как на фотоснимке... Девушка тоскливо оглянулась. Метров триста отделяло ее от трактора, а респиратор остался в кабине. Она колебалась мгновение, тревожно вглядываясь в темноту, потом твердо решила не возвращаться.

До бетонного убежища не больше сотни метров, его квадратная коробка смутно виднелась за высокой порослью полей. Но с точки зрения архитектурных особенностей Томе оно напоминало крематорий. По сути совершенно необоснованно: Тома не была знакома с устройством подобных заведений. Тем не менее стереотип легко поборол здравый смысл. Наконец, она решилась окончательно и побежала. Мимо полей, мимо убежища, мимо раз за разом мелькавших прикрепленных к столбам желтых щитов с предупреждением: «Присутствие на территории сельхозпосадок без спецкостюма строго воспрещено».

Тут все вокруг дрогнуло, колыхнулось и пришло в яростное движение. Поднялся монотонный свист. Сломалась, смялась гладь полей. Стебли растений пластались ниц и рывками вздымались снова. Обрывки сухих листьев, вертясь, пересекали дорогу. Тома на ходу повязала платок на лицо углом вниз, как грабитель поезда с дикого запада. Край заткнула за ворот.

Среди летящего мусора столбами вставала белая пыль, свиваясь в спирали у самой земли. Девушка сколько могла, прибавила ходу. Впереди, за полями, окруженный чахлою рощей, лежал спящий поселок.

Молочный рассвет разгорался, сжирая звезды. Беснующиеся поля разнородных посадок серпом окаймляла неподвижная белая долина. В немом покое она полого уходила вдаль до самого горизонта, призрачно светясь с востока. Контраст бесноватых полей и белого покоя вызывал чувство нереальности происходящего. Это он. Остов Мертвого моря. Туда ушла вода. Оттуда теперь приходит гиблый ветер.

Посреди необъятной дали еле катилась по ровной серой полосе черная точка. Стремглав бежала Тома.

Успела! Успела. Дыхание глотками комкало горло. Тома ворвалась во двор, повернулась закрыть калитку, но та не поддавалась. Легкая сухая древесина ворот в потоке ветра стала несдвигаемой. «Бросить так? Сорвет же, к черту, ворота!» – в приступе упрямства думала девушка, снова и снова налегая на дверь. Между тем ветер заметно усилился. Створка дрожала и низко гудела под ладонями, как высоковольтная линия. Внезапно она ринулась навстречу Томе и распахнулась настежь. Толчком девушку отбросило вбок, и дверь намертво прижала ее к забору. «Прибило б, если б не притолока», – отстраненно подумала Тома, еле повернув голову в тесном пространстве, и коснулась пальцами толстого бревна. Ловушка захлопнулась. Плотно сжатая с

обеих сторон, Тома отчаянно пыталась выбраться. Она изо всех сил упиралась в забор ногами, пытаясь оттолкнуть заклинившую дверь спиной. Не вышло. Ветер звериной силой прижимал ее, не позволяя сдвинуться с места.

«Десять метров до дома. Глупо», – с колотящимся сердцем подумала Тома. Над ее головой рассветал куцый треугольник неба. Ветер с ревом рвал толстые щели, бил хлестко песком и теперь не давал вдохнуть. Тома билась уже без надежды, без толку, как зверь. Мучительно хотелось сорвать с лица платок...

Когда пыль залепила глаза, и дышать стало невозможно, калитка вдруг истошно закричала и с треском захлопнулась. Внезапно освобожденная Тома упала на бок, поднялась, и, пригибаясь, полуползком двинулась к дому. Десять метров. Восемь. Пять... Перед носом мело пылью, сухой травой, дворовым веником, живой удивленной курицей вверх тормашками и чистыми наволочками с веревки. На самом краю зрения метнулась черная клякса. Показалось, собака. «К черту, к черту всех», – думала Тома, переползла через порог и тяжело захлопнула за собой дверь.

Оглушила тишина, мерно прорезываемая ударами капель из рукомойника. В мыслях тоскливо мелькнула показавшаяся собака, но Тома отогнала ее фантом. «Привиделась. И вообще. Спасайся, кто может, – как может».

Едва отдышавшись, она торопливо прошла вдоль стен, закрывая ставни. Для этого она рывком втягивала в растрескавшиеся отверстия в саманных стенах металлические пруты, снаружи прикрепленные к ставням. Через минуту дом покрыл мрак, и только сквозь стенные дырки ровными полосками пробивался свет и тонкие струйки настырной пыли. Они еле слышно свистели, каждая своим голосом.

Тома ощупью нашла табурет, взобралась на него ногами и крутанула в цоколе лампочку. Желтый круг мигнул, покачался, очертил бревенчатый потолок, осветил узкую комнату.

Голова закружилась. Тома сползла, села на пол и начала раздеваться. Руки тряслись, она обрывала петли и пуговицы. Труднее всего дались ботинки. Она стянула со стола кухонный нож и перерезала шнурки. Дальше пошло поживее. Покончив с разоблачением, собрала все до последней тряпки, с трудом поднялась, и, чуть-чуть приоткрыв дверь, вышвырнула их за порог. Свистящий хаос утилизировал все мгновенно.

Усилием воли девушка запретила себе лечь на кровать и улеглась под ней на половики. На ощупь нашла таблетки дезактиватора в комод за головой, проглотила четыре сразу и затихла, подтянув колени к подбородку. Лежа виском на тонкой тряпке и иссохших досках, она закрыла глаза и почти физически ощутила, как с рук, с ног, из волос, каждой складки, каждой поры на пол сыплется тонкий белый песок.

«Не на пол. На половики, – не без удовлетворения поправилась она. – Я его вытрушу и... Жалко кур». С этой мыслью она заснула и неподвижно проспала до полудня.

Ее разбудил телефонный звонок. Винтажный механический звон исходил от китайского аппарата, гвоздем прибитого к стене у рукомойника. Тома осторожно открыла левый глаз. В открытые окна врвалось солнце, чайник плевался на плите, у окна сидел Паша, жевал куриную ногу и читал газету.

– Почему бы не снять трубку? – сурово осведомилась Тома.

– С добрым утром, любимая!

Он гибко соскользнул с табурета, встал на одно колено и поцеловал ее в щеку.

– Прожуй!

Тома недовольно вытерла щеку и попыталась собрать в единое целое затекшее тело. Телефонный звонок осекся и замолк.

– Почему я здесь, а ты жрешь, как ни в чем не бывало? – мирно добавила она, сидя на полу и растирая занемевшую ягодицу.

– Потому что будить мое солнышко небезопасно, где бы то ни было. В глаз несложно получить.

Сквозь его рыжие волосы светило солнце, Тома улыбнулась и прилегла снова, опершись щекой на руку.

– Ну – нет, теперь – вставай-ка! – Павел хищно вскочил со стула.

– Нет, нет, нет!

Она смеялась и дрыгала ногами, когда он тащил ее на плече за дом к колодцу.

– Холодная! Будет холодная!

– Нет, я с утра набрал кадку...

Тома сидела в антикварного возраста черном корыте, а Паша поливал ее нагретой утренним солнцем водой. В брызгах мерцала радуга. Потом она встала, он смыл пену чистой водой и обернул ее светящимся белым полотенцем. Казалось, пели птицы.

Двумя часами позже Павел вновь сидел на прежнем месте. Напротив восседала Тома в простыне на подобие римской грации с кружкой молока и пальцем доставала мед из кувшина.

– Как в лаборатории? – спросила она и подняла глаза.

Его лицо напряглось, но рот продолжал улыбаться.

– Мрут, твари.

Тома отставила кружку.

– Сколько?

– Уже четырнадцать. На вскрытии ноль. Совершенно чистые крысы. Спонтанная асистолия.

Павел вздохнул и продолжил:

– Оставим это. Найдем причину, найдем и средство. Кстати, утром был шторм. Я волновался.

– Шторм! Шторм, когда море. А когда песок, это буря... А ты помнишь море?

– Ты мне зубы не заговаривай. «Шторм – буря». Попала, отвечай?

– Не успела. Честно. Я домой, и тут как начнется!

– Слушай радио. Обязательно. Сирена была, все ее слышали. Но что-то мне подсказывает, что все, кроме тебя.

– Ну, слышала – не слышала. Что-то такое я слышала...

– Черт тебя дернул тогда выйти в поле! – голос Павла стал тревожно-злым.

– Ну что ты дергаешься? Говорят тебе: не попала. Все хорошо... – Тома светло улыбнулась.

– Все хорошо?

– Ага!

– А у самой конъюнктивы, как у белого кролика. И ботинок твой висит на столбе радиоточки, загорает. Почему-то. И полкорыта песка после купания осталось. С чего бы?

Тома незаметно покосилась на сплошь запыленный половик, свое импровизированное ложе. Потом придала лицу серьезности и гордо отозвалась:

– Ну, знаешь... про женщину не говорят «конъюнктивы»... это у твоих мышей конъюнктивы.

– У крыс.

– Это у крыс конъюнктивы...

– Допросишься ты у меня, женщина. Посажу на цепь, буду выгуливать...

– Ага. По пятницам. При твоём отношении к работе на большее можно забить. Сдохну я так у вас. От спонтанной асистолии... – жалобно закончила Тома.

– Не болтай, – жестко сказал Павел и нахмурился.

– Сегодня ночуешь в лаборатории?

Он не ответил. Во взгляде отразилось сожаление, и страсть к своему делу, и уверенность: она поймет.

– А. Ну-ну. Так я и знала. Пошли со мной в курятник? – вдруг убедительно предложила Тома.

Он глянул озадаченно, будто ослышался. Тома охотно пояснила:

– Надо оценить жертвы и разрушения. Мне одной как-то...

– Курятник, как курятник. Стоит. Я там был.

– Ну и сколько же там кур? – подозрительно спросила Тома.

– Двенадцать.

Тома вздохнула.

– Я боялась, все гораздо хуже. Было тринадцать. Пойдем, поищем, может быть и тринадцатой повезло? Забилась где-то...

– Честно говоря, тринадцатой не повезло. Перелом голени, закрытая черепно-мозговая травма, левосторонняя слепота.

Тома проследила выразительный взгляд Павла до тарелки с куриным мясом, накрытой столовым полотенцем. Ей и раньше в очертаниях его обеда мерещилось что-то смутно знакомое. Испуганный аппетит спрятался в самый дальний угол.

– И ты можешь ее есть? Теперь?

– А что, продиагностированная, она перестает быть съедобной? Ладно, не куксись. Труп я возьму с собой, – там пацаны голодные.

Паша смел одноногую птицу в пакет, накрыл тандырной лепешкой, взглянул на часы и засобирался.

– «Пацаны» у него там «голодные». Пацаны и Марина. Я правильно говорю? – Тома скроила пронизательную физиономию.

– Нет, солнышко. Марина курятину не ест...

– Ах, даже так? Вам известны ее гастрономические пристрастия?

– Клянусь, я не пойму: ты ревнуешь или шутишь? – Павел посмотрел серьезно.

Тома выдержала грозную паузу, и прыснула:

– Ревную? К этой курице? Она же курятину не ест из страха каннибализма.

– Забавно. Ты когда смеешься, кажется, что снаружи солнце.

– Потому что там и есть солнце.

Павел встал, хлопнул по карманам, уточняя координаты зажигалки. Тома вздохнула:

– Уже? Я думала, ты в ночь...

– Уже. И в ночь. Не горюй, царица, отследим этот проклятый эффект, и махнем... Куда ты хочешь?

– В Гонолулу.

– Хорошо, насчет отпуска после подеремся. Я, к примеру, предпочел бы Исландию. Ну, ладно. Будь умницей, и включи радио.

Он наскоро натянул свежую рубашку, ущипнул Тому за нос и вышел. Тома нарочито не попрощалась, она растирала пострадавший нос. Не пройдет и минуты, как он вернется. Спустя указанное время за дверью послышался шум, и Павел со словами «ч-черт, опаздываю!», влетел обратно, включил радио, и выбежал снова.

– Пока!.. – еле успела выкрикнуть Тома.

В ответ уже во дворе он раскрутил пакет с курицей над головой.

Китайский радиоприемник заговорил по-саяхски. Тома вежливо кивала старательной радиоведущей, не понимая ни слова. Из-за окон донесся шум мотора, и мятый джип цвета пыли покотил вдоль белой дороги, постепенно превращаясь в пыль.

Тома бесцельно побродила по кухне, подошла к мусорному ведру, воровато разрыла его и достала клочок смятой бумаги. Расправила на коленке и в очередной раз прочитала:

«Распоряжение по участку 263–12.

По результатам проверки от 03.06 решено запахать культуру без уборки. Отчет комиссии по участку размещен на сайте Академии сельского хозяйства под кодом участка. План мероприятий на следующий сезон в разработке. Благодарим за сотрудничество».

Она снова смяла бумажку и бросила обратно. Дернула ртом, передумала, вновь достала и разорвала в мельничьи клочки. Запахать? Будет исполнено. Поле уже наполовину запахано.

Тома вновь прошла по кухне, пытаясь отвлечься.

Если называть вещи своими именами, то в телеграмме написано следующее: уничтожь то, во что вложено столько труда. Пот и слезы и скудную радость последнего полугодия. Уничтожь раньше срока, до урожая. В битве за каждый колос ты проиграла. Но не это самое главное. А то, что результат этой нелегкой работы никому не понадобился. Образцы пшеницы в лабораторию не потребовались. Их не будут исследовать, Академия признала культуру полностью непригодной. И потому распорядилась «запахать без уборки». «С благодарностью».

В приступе злой обреченности Тома в прошлую ночь и вышла в поле после сирены штормового предупреждения. Конечно, она ее слышала. Звук был жуткий. Странно, что мертвые не восстали. Глухой бы услышал. Тупым вибрирующим воем радиодинамик надрывался трижды по три минуты. Тома зло вырвала радио. А звук остался, как в страшном сне, окружая ее со всех сторон. Заунывный и пустой, он лился теперь отовсюду: из окон соседних барачков, магазинчика на углу, со столба поселковой радиоточки. Тома тогда прислушалась к себе и поняла: сегодня этим ее не остановить. Ее гнало желание покончить с этим заданием Академии как можно быстрее. Запахать свой участок немедленно. Резать по живому чем быстрее, тем лучше.

Далеко, за поселком, на половине ее участка еще качалась скудная, низкорослая, но живая пшеница.

Павлу Тома ничего не сказала. Не стоило его расстраивать, у него своих проблем достаточно.

3

Павел загонял джип, опережая голодное облако пыли. Оно гналось следом, но не успевало. Едва ступив за порог дома, он мысленно был «у себя», в Лаборатории противочумной станции.

Недавний прорыв в исследованиях вел в тупик. Павел гнал эту мысль, но она возвращалась с настойчивостью бабочки, бьющейся в ламповое стекло.

Препарат работает, а крысыдохнут. А препарат работает... а крысы, между тем...

Уже более полугода назад волей случая было обнаружено интересное вещество. Интереснейшее. Действия парадоксального.

Павел через силу заставил себя переключиться с буксующей в голове мысли о провале и подумать о чем-нибудь приятном... но, кроме момента, когда их лаборатория доказала безусловный эффект препарата, не смог ничего вспомнить.

Виновата была случайность. Так часто бывает.

Противочумная станция, сокращенно ПЧС, была наследницей противочумного института. Но негласная ее цель лежала за областью исследования особо опасных инфекций. Черной королевой региона была онкология. На огромной территории опухолевые болезни собирали страшную дань. Помимо прочего, в Кытгымском районе эта леди предпочитала детей и молодежь. Нетипично мало страдали старики. Казалось, в отчеты медиков закралась чудовищная ошибка, повторяющаяся из года в год.

Животные были подвержены тем же недугам. В лаборатории шутили, что незачем тратить бюджетные харчи и завозить онкопредрасположенных крыс, достаточно расставить мышеловки. На деле и здесь статистика была устрашающей. Вот и рабочая группа ПЧС вносила собственную лепту в решение этой проблемы. Точнее, на данном этапе только пыталась ее внести.

В тот памятный день, как раз в канун Рождества, группа исследователей завершала серию тестов очередного препарата. Эффективность приблизилась к трем с половиной процентам. Его готовились благополучно списать и положить на полку, когда уже начавший отмечать светлый праздник сотрудник лаборатории, некто по имени Слава, внес в проект некоторые коррективы.

Утром Владислав, один из трех мушкетеров противочумной станции, нетвердой походкой вошел в манипуляционную, объявил сотрудников свиньями и потребовал от них гуманности. Немедленно. «Если вы не в состоянии пресечь страдания несчастных тварей в канун великого праздника, я сделаю это сам!» – патетически заявил он и немедля ввел группе пораженных опухолями крыс одним шприцем вещество неизвестного происхождения.

Воспоминание вызвало у Павла улыбку. Никто и не попытался Славику остановить. Ну, во-первых, серия опытов была завершена, результат подтвержден. А во-вторых, Славик был вполне борцовской комплекции. Не то чтобы Дима с Пашей сильно боялись его кулаков, но без сомнений лаборатория пострадала бы изрядно.

Наутро Слава проспался и извинился, кажется, восьмикратно. Инцидент можно было бы считать исчерпанным, если бы одна из подопытных крыс внезапно не пожелала прекратить свой земной путь. Мало того. Спустя некоторое время она полностью выздоровела. Все остальные погибли, как и предполагалось. Но эта...

Павел помнил, как среди ночи ворвался к Славе в дом. Мобильный того оказался отключен, домашний, как всегда, не работал. Обрывы связи в поселке были обычным делом. А Павел хотел сейчас же, немедленно! узнать, что именно тот вколол рождественским крысам. Ждать

до утра он пробовал, но не смог. Была ночь его дежурства, когда в боксе он обнаружил живого активного зверя, веселого и голодного.

Слава продрал глаза, наскоро утихомирил матерящуюся красавицу-жену, грудью выпихал несвоевременного Павла на кухню и уже там твердо ответил:

– Не помню.

– Что «не помню»?

– Ничего такого не помню. Особенно не помню, *что* я крысам вколол.

– Ты что, сдурел? Вспоминай! – Павел задыхался пополам от возмущения и необходимости говорить шепотом на чужой кухне, когда нужно орать.

– Я, Паш... Вообще не помню ничего. Ни *что* колол, ни что *колол*. Я помню, Инка тогда смотралась к матери, и я праздновал в лаборатории с вами. Все.

– Кто праздновал? Ты праздновал? Ты был никакой! Переколол крыс и спать увалился там же, у Алибека на кушетке.

– Ш-ш-ш. Не надо орать, Инка думает, что мы отлично посидели...

– Я, между прочим, не сплю! – громко заявила Инка из-за фанерной стенки.

– Инна, здесь какое-то недоразумение! – горестно крикнул в ответ Слава.

– Точно. И сейчас это недоразумение оденет, наконец, штаны, и пойдет вместе с Павлом в лабораторию! И даст мне спать, я в шесть встаю.

– Инночка, ты же не думаешь?

– Нет, не думаю. А вечером оно же расскажет мне еще раз, как ты праздновал новый год. И постарается не забыть те подробности, которые были в первой версии рассказа.

– Да спал он, Ин! – влез Павел.

В этот момент случившееся начало медленно доходить до Славы.

– Стоп. Всем тихо молчать. Паш?

– Ну?

– Ты шас сказал, есть совершенно живая крыса?

– Как ты и я. Только шустрой. Давай, давай, одевайся.

– Ест?

– Как волк. Давай, забей на галстук. Слушай, Слав, напрягись. Ты намеревался избавить крыс от страданий... Каким образом? Обезболивающим? Ядом?

– Ну, допустим. Чем угодно, – оживился Слава и заговорил во весь громовой голос: – Проверьте склады! У Димки там немецкий порядок. Что я взял? Чего из препаратов не хватает?

– В том-то и дело, химик. Все на месте. Все абсолютно. Початый физраствор, и все.

– Не может такого быть.

– Не может. Но есть. В лаборатории ты ничего не взял. Мог ты что-нибудь принести с собой?

– Что принести?

– Не тупи. Препарат.

– Я? Ты что? Я даже таблеток не пью. – Слава обреченно вздохнул.

Из спальни вышла Инна прекрасная, бледная, хмурая, в изумрудном халате. Ей шли припухшие сонные веки и голубые тени под глазами. Слава замер и не таясь любовался женой.

– Твари вы, господа, – обозвала она микробиологов, поставила чайник на плиту и достала сигарету.

Слава ретировался и теперь с грохотом ронял что-то в спальне. Павел пил чай, без предложений налитый Инной. Она привычно подкурила от плиты, склонившись к самому огню, и тихо сказала:

– Да, вот что, Паш. Он спер у меня снотворное.

Слава за стеной завозился тревожнее и выкрикнул:

– Инночка, я уже говорил тебе: я его не брал...

Павел насторожился:

– Какое снотворное? Когда?

– В канун Рождества. – Инна с наслаждением затянулась сигаретой. – Как раз в день моего отъезда...

Из-за стенки:

– Я не брал!

– Заткнись, – огрызнулся Павел. – Инна, бесценная, в какой оно форме?

– Порошки. В стакан сыпешь, потом воды туда.

– Ну Инна! – Слава вернулся из спальни все еще без штанов и страдальчески закатил глаза.

– Инка, ты гений, – воскликнул Павел.

– Паш, на твоём месте... – гордо возмутился Слава.

– Заткнись, кретин. Я видел, валялись там какие-то бумажки. Квадратные такие. Я не обратил на них внимания, но теперь думаю – это оно. Оно! – Павел победоносно улыбался. – Плюс физраствор, что обнаружил Димка. Ин, а теперь ты, как в сказке, должна сказать, что это за препарат.

– Понятия не имею.

Павел успел внутренне содрогнуться, когда она добавила:

– Но где-то был рецепт.

Казалось, дело в шляпе. Но не тут то было. Так просто секрет не сдался.

Сначала было проведено четыре серии экспериментов с разной дозировкой. Все до одной показали отрицательный результат. Неделя шла за неделей – ни тени эффекта. Крысы мирно спали от Инкиного снотворного. Их опухоли при этом показывали стабильный рост.

В тайне друг от друга трое экспериментаторов начали считать затею обреченной. Поодиночке давно бы бросили. Или вещество определено ошибочно, или... все что угодно. Элементарная логика также была не на их стороне: какая взаимосвязь может быть между исцелением от опухоли и довольно распространенным снотворным, продающимся в каждой аптеке? Ее давно заметили бы и исследовали!

Дима в своем ежедневнике записал: «4 марта. Третья четверть третьей серии. Процент эффективности +2, всего от -4 до +3. Считаю имевшее место выздоровление нулевой крысы казуистической редкостью. Животное показало регрессию опухоли и метастазов до полного исчезновения и погибло от неустановленной причины. Причины, возможно, никак не связанной с инъекцией. Случайное совпадение скорее всего».

Пятая и шестая серии, подкожное и внутримышечное введение. Результат сопоставим с предыдущим. Без эффекта! Скорее от безысходности, чем от гениального провидения, в седьмую серию Павел ввел препарат в спинномозговой канал обездвиженных крыс. И вот тут! Треть животных погибла от манипуляции. Остальные надолго впали в коматозное состояние. Их не пробуждали внешние раздражители. Но по движению глаз и конечностей можно было предположить мозговую активность, непрерывную в течение двадцати-двадцати четырех часов. Активность необычную, не циклическую, не характерную для сна. Половина крыс не вышла из комы. Только трое подопытных выжили и восстановились полностью. А пробудившись, показали обратный рост опухолей. Но вскоре тоже погибли. Все. Одна за другой.

Поначалу смерть крыс осталось без должного внимания. Брызги шампанского способны замутнить научное видение.

Из дневника Димы: «Вот как нужно! Настойчивость и настойчивость в безнадежной, казалось бы, ситуации! И вот он, результат. Гибель животных – мелочь на начальном этапе.

Судя по всему, их убивает дозировка. Введение препарата вообще можно разбить на циклы... в целом, это дело будущего».

Седьмую серию запустили немедленно. Друзья судорожно шерстили публикации по теме во всех доступных источниках. Ничего похожего!

Дмитрий, проанализировав результаты, предложил первую теорию взаимосвязи процесса специфического торможения коры головного мозга и явления аутокоррекции патологии. Это явление признавалось основным механизмом.

Просто говоря, излечение – результат деятельности мозга пораженного организма. В отличие от бодрствования, во время искусственного сна мозг концентрируется на внутренних биологических процессах. Новый препарат – своего рода пусковой механизм. Присутствуя в мозге, он вызывает необычное сноподобное состояние, которое запускает нечто вроде программы излечения. Но введенный обычным способом в кровь, препарат не может преодолеть барьер, который служит дополнительной защитой и фильтрует кровоток мозга. Доставленный же в неизменном виде прямо в мозг, он запускает этот своеобразный сценарий. Животное выздоравливает.

Процент излечения подопытных приближался к семидесяти восьми. Нигде подобного результата не описывалось. Вместе с закономерным триумфом к друзьям постепенно приходило отрезвление. Участники восьмой и девятой серии триумфально выздоровели и поголовно погибли вскоре после выздоровления. Причина гибели теперь изыскивалась со всем пристрастием. И оставалась неустановленной. Скрупулезность Дмитрия при вскрытиях граничила с педантизмом: препараты одной крысы могли занимать целый холодильник. Но и она не помогла: мертвые крысы были здоровы.

В мрачное развитие собственной гипотезы Дмитрий записал в дневнике: «Создается ощущение, что мы сообщаем нервной системе некий ключ-код, который инициирует не только программу восстановления организма, но и его последующую самоликвидацию».

Ныне шла четырнадцатая серия опытов. Предельная выживаемость подопытных варьировалась, но не превышала 36 дней со дня манипуляции. Как прежде, крысы были обречены. Как разорвать эту цепочку выздоровлений-смертей, никто не знал.

Павел сжал руль и мотнул головой, заставляя себя вернуться к реальности. Впереди показалось синеватое море. У въезда в город он привычно сбросил скорость и посигналил. В Кытгым он въезжал с юга, по остову бывшей набережной. Ее бетонное покрытие сохранилось значительно лучше городского асфальта. Теперь другой доступной дороги в город из поселка не было.

Набережная нависла над бездной, отделенная невысоким парапетом от пустоты. С одной стороны она была обнесена грядой неработающих сейчас фонарей, с другой – низким ограждением из осыпавшихся бетонных пилястров, кое-где обнажавших внутреннюю арматуру. И здесь величественно ветшала всесоюзная дань периоду сталинского ампира.

За пилястрами было море. Раньше. Теперь там зиял обрыв, который переходил в бесконечную перспективу Мертвой долины вплоть до самого горизонта. Вдали ее рельеф мутнел, и наконец сливался в сплошную белую дыру от края до края, будто вымаранную ластиком на сумрачном пейзаже. Ветер оттуда нес белую пыль на город, наматывая ее на подножие кривой, небрежно выложенной бетонными блоками береговой линии.

Порой у парапета играли темноглазые хмурые дети. Они отрывисто визжали, молча мутузили друг друга в пыли или вели пластмассовых отпрысков в школу. Завидев приближающуюся машину, дети лениво собирали пожитки, пропускали ее, и немедленно возвращались. Павел многожды увещевал родителей запретить детям существовать на проезжей части, и даже повесил сотоварищи самодельный дорожный знак. Никакого видимого действия это не возымело. Знак уважали ровно неделю. Затем открутили и активно использовали для перевозки кукол или собственного съезжания с крутого холма.

Сейчас набережная была пустынна. Временно необитаемый бетон был изрисован цветным мелом и пестрел цветами и покемонами. Павел не замечал, что мчится по ровной бетонной стреле с предельной скоростью, и не снимал ногу с педали газа.

Быть может, он мечтал никогда не видеть этого места. Весьма вероятно, что именно здесь, только по другую сторону парапета, доктор Павел Чертанов метался в ночных своих кошмарах. Карабкался, падал, издирали руки в кровь о неприступную стену, кричал до хрипоты и не мог взобраться наверх, за беззубый парапет, к людям. Дно Мертвого моря не отпускало. А в долине тем временем поднимался ветер, скручивая песок в спирали. В его порывах Павел отчетливо и все громче слышал шум прибоя и плеск высокой волны. Мокрый шум в ушах и сухой песок в иссохшем до соленой крови рту и горле. Это несоответствие сводило с ума. Один, на грани безумия, он все блуждал по сухому песчаному дну, окруженный грохотом шторма.

Павел не вдумывался в сны, и считал, что его подсознание здесь ни при чем. Без всякой мистики от этого места несло голой грубой демонстрацией катастрофы. Набережная Кытгыма. Огромная, с удобным парапетом, смотровая площадка панорамы вреда и смерти под лозунгом: «Когда-то вы убили море? Теперь оно убивает вас!» Ему представлялось, что он видит эти слова, нанесенные цветными мелками на щербатый бетон дороги. Они по букве забирались ему под капот, и свернуть невозможно.

Он едва вошел в узкий слепой поворот сразу за набережной, не снижая скорости. Тормоза остались недовольны, они тоже не любили это место. До лаборатории теперь рукой подать.

Тома с живым интересом прослушала региональные новости, и особенно прогноз погоды в заключении. Счастливая дикторша сообщала о ясной, теплой, безветренной погоде, установившейся на всем побережье. Без осадков. (Тома мысленно застонала. Кытгымские дети видели дождь только по телевизору!) И еще о нормальном атмосферном давлении. Живая реклама частных пляжей Калифорнии!

Она с ожесточением собиралась в поле. Задорная злость прорывалась сквозь зубы обрывками советских маршей. Рюкзак заполняли рукавицы, два респиратора (!), основной и запасной, пластиковая бутылка с водой... И тут Томе показалось, что земля уходит из-под ее ног. Она грубо швырнула рюкзак на пол и с ненавистью уставилась на радиоприемник. Срезав неизвестную сюиту, из недр его динамика заунывно, пожирая всю округу, зазвучал монотонный желто-серый звук сирены.

Девушка уселась на рюкзак и приготовилась узнать, какой на сей раз катаклизм обрушил свое внимание на их многострадальный регион. Первые три минуты акустической атаки, наконец, закончились. Сирена прервалась, после чего серьезный диктор государственным голосом заявил:

«Внимание! Внимание! Федеральное космическое агентство в рамках стандартной процедуры сброса отработанных ракетных ступеней предупреждает население о возможном падении крупных фрагментов космического мусора на территории региона. Жителям районов 6, 8, 14, 14-а и 27 запрещено покидать жилища и учреждения и выходить на улицу. Распоряжением администрации отменены занятия в детских садах и школах. Опасность сохранится в течение двенадцати часов. Беспрепятственное передвижение разрешено специальным службам. Просим быть предельно внимательными!»

И вновь сирена.

Диктор трижды повторил свое послание. Тома тем временем качалась на рюкзаке, глядя вдаль через открытое окно. Рюкзак был собран и ждал дороги.

Прошел час. Второй. Тома тупо уставилась в окно. Нogu судорогой свело. Не происходило ровным счетом ничего необычного. «Уже упало бы что-нибудь в конце концов, и то веселее», – кротко предложила Тома. Но ничего не упало.

Между тем поселок честно вымер. С каким-то пионерским единодушием. Подволакивая ногу, Тома подползла к окну и свесилась с подоконника, и везде, насколько хватало глаз, видела одно. Необитаемые лавки, необитаемые переулки, закрытые ставни домов и магазин под замком. Она отвалилась от окна и сумрачно шаталась по узкому бараку от стены до стены. Без дела. Внезапно все ее дела кончились без ее участия. Не читалось. Не спалось. Душу скребла пустынная пестрая птица.

«И что теперь, неясно».

Мытье полов – верное средство в любой ситуации. Для этой цели у Тома был разработан особый ритуал. Проще всего, конечно, дожидаться простой стандартной дезактивации. После ночного шторма специально оборудованные оранжевые грузовики муниципальной службы уже начали объезжать поселок. С раннего утра издали доносились их отрывистые настойчивые сигналы. Но прозвучало «космическое» предупреждение, и все смолкло, как по волшебству. В таком безмолвии обнажился и ожил неизбывный тихий вой Кытгымского ветра.

«Довольно».

Тома принесла большое ведро колодезной воды, всыпала в него поровну мела и реагента, перемешала и оставила смесь растворяться. В луче света ведро брызгалось, будто вода едва заметно кипела. Шла реакция.

Собственная Томина экипировка также требовала подготовки. Полностью одетая для процедуры, она выглядела следующим образом. Охотничьи сапоги Павла цвета хаки сорок четвертого размера доставали до середины бедра. Руки по локоть облачены в перчатки от костюма химзащиты. На лице респиратор. Итого пять предметов. Остальная одежда была снята и аккуратно сложена под защиту полиэтилена со штампами продуктового магазина.

Стороннему наблюдателю проще всего было предположить, что рассудок Тома претерпел некие фатальные изменения. Сама же она придерживалась иного мнения на этот счет. Чтобы не пачкать одежду и не отдавать ее потом на дезактивацию, Тома мыла дом голой. Во-первых, потому что костюма химзащиты дома не оказалось. И вечером Павла ждет пренеприятный вопрос на эту тему. Во-вторых, честно сказать, не стоило пачкать костюм. Утром Тома купалась без дезактиватора, а после песчаной бури это все равно что не купалась. Удовольствие того стоило. Но сейчас ее собственное тело оставалось, пусть и слабым, источником химического загрязнения.

«Себя оставим на попозже».

Тома недаром избегала процедуры муниципальной дезактивации. Часто после нее вещи теряли первоначальный цвет, взамен приобретая ничем не выводимый запах. На нюх и вовсе казалось, что они токсичнее после дезактивации, чем до нее.

Дезактивирующий раствор для живых организмов был в доме в достаточном количестве. Павел нередко пользовался им, когда работал дома. Специальный реагент для животных, к коим относится и человек, требовался в низких дозах в отличие от очистки «накапливающих» вещей, одежды и некоторых бытовых предметов, которые подлежали регулярной муниципальной дезактивации.

Так, Тома относилась к немногим хозяйкам Кытгыма, способным дезактивировать себя и собственное жилье без посторонней помощи. Кстати, добавлять в раствор мел было ее собственным изобретением. Мел оставлял на поверхностях пятна, подтверждающие проведенную дезактивацию. Если в пятнах были прорехи, значит, некто мухлевал и мыл плохо. «Дырявая» дезактивация не зачитывалась.

4

К делу. Тома встала на защищенные брезентом сапог колени и приступила к обработке. Она успела первый раз выжать тряпку, когда услышала за спиной хлопок двери и веселый женский голос:

– Павел Вла... – разглядев Тому в полутьме под столом, вошедшая закончила настороженно: – ...димирович...

Голос ее упал до шепота.

– Черт, дверь забыла закрыть, – ответила Тома вместо приветствия, и все же добавила: – Привет, Марин.

Марина, следуя логике беседы, этикетом тоже не блеснула. Она молча попятилась обратно к двери и подперла ее спиной, продолжая пожирать Томин респиратор испуганными глазами. В своем отступлении она достоверно имитировала княжну Тарakanову в темнице среди кругом плывущих крыс.

Тома поднялась с колен. В длинном однокомнатном бараке спрятаться с целью соблюдения приличий было решительно негде.

– Если тебя смущает мой туалет, ты смело можешь отвернуться, – пробубнила Тома в колбу респиратора. – Как назло, ни одного фигового листа под рукой.

Марина молниеносно последовала ее совету. Почти упершись носом в дверь, она забормотала:

– Я... Пожалуйста, извините... Я думала, вы в поле...

И в ужасе прикусила губу.

– А я, пожалуйста, извини, осталась дома. Павел обещал тебя подбросить до лаборатории?

Этот невинный, на первый взгляд, вопрос вверг Марину в ту степень смятения, которая даром речи не комплектовалась.

– Я...

Повисла пауза.

– Он сейчас страшно рассеян, – попыталась смягчить ситуацию Тома. Она стянула перчатки, респиратор, и торопливо одевалась, разорив один из предохранительных пакетов.

Бросая взгляды на беззащитную Маринину спину, она непритворно восхищалась. «Здесь – и такая прическа. И еще такая юбка. И туфли, о господи... в них можно ездить исключительно в машине с водителем или ходить по паркету».

– Чаю попьем? – предложила хозяйка.

Наскоро натянутое платье сидело криво и резало левую подмышку, волосы растрепались.

– Нет-нет! Мне в лабораторию... – Марина все никак не могла справиться с дверью.

Тома не стала ей помогать.

– Да не пугайся ты так. Успеешь. Я тебя подброшу. У нас Славкина тачка после вчерашнего сабантуя. А Павлу скажи, пусть следующий раз будет внимательней.

Марина обреченно вздохнула и начала разуваться.

«Боже, она сейчас порвет колготки!»

– Прекрати это сейчас же, – торопливо воскликнула Тома. – Видишь, все равно мою...

– Это запрещено, – робко ответила Марина, но разуваться перестала. – Необходима дезактивация...

– У Павла спроси, что такое эта дезактивация. Пусть он тебя тоже научит... Ладно, речь не о том.

Тома зажгла огонь под чайником, и теперь густо намыливала руки мылом с каплей реагента.

– Давай, будь как дома. В холодильнике шпроты рижские, достанешь?..

Марина будто не слышала. Ее лоб хмурила невысказанная мысль, не дающая покоя.

Она села на край табуретки и выпрямилась. Тома разглядывала ее в упор.

– Ты похожа на актрису. Скорее даже на балерину...

Тут Марина вышла из оцепенения, вдохнула, и задержала дыхание, как перед прыжком в воду.

– А вы, наверное, подумали?.. – закончить фразу Марина не решилась.

– Ну, что-то я наверняка подумала. Например, откуда ты знаешь, что я должна быть в поле? Никто не знает, даже Павел.

Марине этот вопрос не понравился, но все же он прозвучал безопаснее, чем можно было ожидать.

– Павел Владимирович...

– Я очень прошу тебя не портить ситуацию заявлением типа «Павел Владимирович здесь ни при чем».

Марина покраснела и порывисто встала. Тома торопливо добавила:

– И еще, пожалуйста, не убегай прямо сейчас. Мы тут вдвоем, никто нас не слышит, можем вытворять все, что угодно. Я давно об этом думаю, хотела с тобой поговорить, но случая не представлялось.

– Не понимаю, о чем вы.

Тома тщательно вытерла руки и села.

– Конечно. Садись, не торчи. Короче, я знаю о твоём отношении к Павлу.

– С чего вы взяли?

– Подожди, я еще ничего не сказала. Не я одна, все знают.

Марина впервые расслабилась, ее высокий лоб разгладился, губы сложились в спокойную холодную улыбку.

– Откуда?

Тома неопределенно пожала плечом.

– Вы хотите сказать, – продолжала Марина, – что обсуждаете меня у себя на кухне во время так называемого сабантуя?

Тома в очередной раз восхитилась ею. Какую-то минуту назад Марина дрожала от ужаса, что может доставить Павлу семейные неприятности, и как спокойна и уверена теперь, когда выяснилось, что речь, собственно, о ней самой.

– Нет, конечно. Тебя все уважают. Все просто молча знают, и все.

– Это интересно. Павел тоже «молча знает»?

Тома вздохнула. Все шло не так, как ей хотелось.

– Марин, послушай. Он, понимаешь, не очень такими вещами интересуется. Этот препарат – смысл его жизни сейчас...

– Я не поняла. Вы меня успокаиваете и советуете не отчаиваться? – Марина посмотрела так, что у Тома мурашки прошлись по спине.

Осторожно подбирая слова, она ответила:

– Ты можешь не поверить, но... мы как бы близки. Ты и я. Любим одного человека. И мне жаль...

– Оставим это. – Марина улыбнулась. – Придержите свою жалость для собственной семейной жизни. С ней у вас неладно.

– Ты ничего не поняла...

– Куда мне. Только, будь я на вашем месте, я рисковала бы не стала и вселенской любви не расточала бы. Не такой уж я урод, и не такая уж дура. Шли бы вы у меня пешком до самой лаборатории.

– В этих туфлях? Впрочем, спасибо за откровенность. – Тома постепенно начала закипать.

– Не за что. Еще не все. Вы холодная, равнодушная, вам все равно. Рядом с вами не просто гражданский муж. Он гений и мастер. Он вылечит миллионы! Это титанический труд и ответственность. А вам это даже не интересно. Собственная персона с ненаглядным огородом – штука куда более привлекательная. Он не ждет от вас ни малейшей помощи. А это значит, никакая вы не семья. Я – та, кто на самом деле с ним рядом. Кто поможет всегда. Кто держит страховочный трос. Если Павел этого еще не понял, значит, у нас все еще впереди. Держаться в стороне не обещаю, и совесть моя чиста. Потому что нечего здесь разрушать. – Марина выразительно окинула взглядом неприятный пыльный барак. – Пусто.

Тома неожиданно посмотрела на себя с необычной, неведомой стороны. Словно в привычных трехстах шестидесяти градусах реальности разверзлись дополнительные шесть или семь, и проглянула в них подозрительная неизвестность. Неужели в этом есть правда? Что-то подсказывало, что не без того. Она молча смотрела на Марину и заставляла себя еще чуточку помолчать, чтобы позже сказать потише и поменьше.

Марина сидела напротив, прямая и грациозная. Ее висок и скула светились в луче солнца тонким изысканным рисунком. Светлые волосы горели белым огнем, а прозрачные глаза мерцали желтым. Здесь было на что обратить внимание.

– Да, и еще... – спохватилась Марина.

– Как, и это еще не все?! Сколько нового и полезного можно узнать о себе...

Марина пропустила сарказм мимо ушей и перебила спокойно, почти устало:

– Не говорите ничего Павлу. Не тревожьте его. Наши дрызги – такая мелочь, а он в шаге от истины.

– Ах, от истины! Как же я про нее забыла. А скажи, пожалуйста. Если вдруг... ну, к примеру, истина чуть дальше? Где-нибудь шагах в четырех. Или вообще в другой стороне? В общем, если Препарат – ошибка, что тогда? Твой необузданный восторг не поостынет?

Марина приподняла брови:

– Откровенно говоря, меньше всего я ожидала от вас такого вопроса. Это мелко и вас недостойно.

– Меня – безусловно. А как насчет *вас*? – с акцентом спросила Тома.

Глаза Тома застила белая ярость. Марина улыбнулась и легким свободным тоном сказала.

– Ну, мне пора.

– Н-да, действительно, – наконец, сказала Тома. – Сейчас, я переоденусь...

Тома встала и сняла ключ от машины с гвоздя у рукомойника.

– Не стоит. Дайте мне ключи, и я сама отгоню машину Владислава Петровича. Он непременно будет в лаборатории, у нас планерка в четыре.

Марина грациозно склонилась и натянула на пятки задники туфель. «Такая роскошь должна доставлять неудобства, а красота требует жертв». Тома уверила себя, что эта мысль – не злорадство, а исключительно констатация факта.

– Заходите еще, – напоследок не сдержалась Тома.

Звякнули ключи.

Хлопок двери, и Тома снова наедине с ведром, тряпкой и грязным полом. А между тем стремление к чистоте пропало начисто.

«Совершенно бесстрашная, дрянь. Под космическим мусором приперлась. Да чушь – этот мусор, под страхом административного взыскания. Могла свободно загреметь в лягушатник».

Тома машинально глянула в окно вслед гостю. И в испуге отшатнулась, закрыв лицо руками. Она не сразу поняла, что так ее напугало. А когда поняла, то даже посмеялась над собой. Но как-то сухо и неубедительно.

Секунду назад из ее дома вышла двадцатилетняя красавица Марина. И сразу появилась в проеме окна. Но за это время что-то произошло с ее внешностью. Лицо сморщилось и потемнело до черноты, пальцы завязались узлами, она осунулась, словно усохла вдвое. Только грациозная осанка и легкая походка остались неизменны...

Звук заведенного двигателя, донесшийся из-за дома, отрезвил Тому, как холодный душ. Она сообразила, что Марина не могла пройти мимо окна. Она зашла во двор, туда, где навес для машины. Тома выглянула вновь и без труда узнала в осанистой старухе молочницу Мириам Миртад, или Каменную Молочницу. Только теперь Тома с изумлением разглядела, какой монументальной красотой обладает старуха. Та шла, словно танцуя меж двух тяжелых бидонов в обеих руках.

5

Мириам было девяносто. С тех пор минуло сколько-то лет, но на этой цифре она решила остановиться, и бросила счет. Что смысла считать годы, когда вокруг тебя одни мертвецы. Никому это не нужно. Были дети, были внуки... никого. Теперь они обитают там, за малым перевалом, среди других теней. Только красавица Айшат лежит далеко в горах. Милая вечно одинокая девочка, бриллиантовая королева.

Уж много лет назад Мириам решила, что всевышний забыл о ней. В его скорбном списке ее имя, видно, вписано неразборчиво. Знаете, как бывает... Но шли годы, стирая грани, и теперь в ее собственном списке имя бога не значилось. То есть стерлось от времени. Да и вообще пуст он был, этот список. Пуст, как душа младенца. И вокруг никого.

Жалеть нечего, скорбеть не о чем. Глядя в прошлое, жизнь Мириам можно было назвать счастливой. Было в ней горе, было много радостей. Что говорить, ее дети умерли здесь, в ее доме, от глубокой и честной старости. Она сама закрыла им глаза. В них не было боли, ее Мириам оставляла себе. Только юная Айшат, звезда ясная, ослушалась. И нарушила этот уклад мудрого хода вещей. Чем и стерла окончательно имя творца из жизни и памяти Мириам. Остался белый лист, пустой, как долина Мертвого моря.

Мириам вошла в низкий саманный дом, словно ушедший наполовину в землю. Навстречу повеяло прохладой и чистотой. Она прошла вдоль стен, вынимая из глубоких оконных проемов сухие ветки саксаула, обмотанные овечьей шерстью, как пыльной паутиной. Два часа ее не было дома, а шерсть высохла досуха. Видно, сегодня восточный ветер.

Старуха вынесла ветки во двор, принесла воды из колодца, и долго отполаскивала их в огромной кадке. «В двенадцати водах», так учила Мириам ее мать. Так учила она Айшат. Но теперь Мириам некого стало учить, и однажды это уйдет вместе с нею. В двенадцатую воду старуха добавила меру меда и пригоршню извести, обильно смочила саксаул и вернулась в дом. Каждый куст вложила в свое окно.

Закончив, старуха вернулась к порогу. Два тяжелых молочных бидона стояли у двери. Одинаковые как близнецы. Ломило спину, и красные руки ее болели от студеной колодезной воды. Но по-другому нельзя. И Мириам подняла оба бидона, отнесла их на кухню и сняла крышки. Опустив руку в один из них, она мерным, повторяющимся жестом стала доставать из него камни. Один за другим. Они были черные. Их место справа. Слева легли камни из второго бидона Мириам. Белые камни.

Разбирая булыжники, Мириам блуждала в закоулках своей памяти. Она была крепка, как крепки были ее руки и зорки ее глаза. Воспоминания вчера, семи-, шестидесятилетней давности сменяли друг друга одно за другим, одинаково яркие и живые. Это было как сон наяву. Мириам знала и помнила много больше, чем хотела. Перебирая камни, она вспомнила, как чинила для мужа рыболовные сети, иногда подбивая булыжником уток. И следом перед ней предстал образ темноволосой девушки, сегодня утром отпрянувшей в страхе от окна. Чужачка. Агроном Тома. Мириам напугала ее.

Старуха не обиделась и не удивилась. Десятки лет назад она привыкла к тому, что ее здесь недолюбливают. Не секретом для нее было и то, что она считалась своего рода Кытгымским проклятьем. Повстречать на пути Миргад – Каменную Молочницу грозило бедами и неудачей. Завидев ее, иные норовили свернуть в подворотню, другие подобострастно здоровались. Мальчишки швыряли в нее камнями. Чаще мелкими и мимо. Не для того, чтобы причинить боль, а для того, чтобы победить свою слабость и страх.

Все верно. Кытгым знает, что делает. Мириам знала тоже: эти ненависть и страх неслучайны. Конечно, странно, что еще подростком твой ныне почтенный отец бросал морскую гальку в ту же самую, ничуть не изменившуюся за четверть века старуху, что и ты. Само по себе

это противоестественное постоянство достойно кары. К тому же поселок не мог ей простить визиты к внучке на дальнее чумное кладбище. Эта давняя история, но до сих пор шестая зона закрыта для посещений. Было и кое-что посерьезней.

Мириам не знала, как это у нее получается. Только она видела, кто из детей носит в себе страшную болезнь. Кто обречен, а кому еще можно помочь. Это было в их лицах. Будто старческие глаза видели, как должен выглядеть этот Анзор, или Мурат, или Петя, будь он здоров. И как его маленький образ отклоняется, и становится сам на себя не похож, когда кормит страшного жильца – опухоль. И ни он сам, и никто другой об этом еще не знает.

Раз кто-то из ребят не рассчитал, и попал ей в спину камнем слишком сильно. Поясница сразу онемела, Мириам задохнулась и выронила бидоны. А когда повернулась, то прямо перед собой увидела постреленка лет десяти. Из тех, кому помочь еще можно. Она пристально смотрела на ребенка, пытаясь убедить себя в ошибке. И находила все новые черты недуга, одну за одной. Пацан между тем остолбенел, с животным ужасом глядя на камни, высыпавшиеся из ближнего бидона. Черные камни.

– Не бойся, – сказала ему Мириам. – Я пойду к твоей матери. Тебе еще можно помочь. Ватаги отважных парней мигом и след простыл.

Торопливо, подряд, вперемежку, она собрала рассыпанную ношу. Вечером исполнила обещание, отыскала мать хулигана и рассказала ей все. Женщина втрое младше ее выслушала Мириам стоя, без единого слова, и жестом указала ей на дверь. Но в больницу пошла. Мириам только это и было нужно.

На следующий день поселок облетела весть: диагноз верен. Каменная Мириам прокляла ребенка недугом за брошенный камень.

Она не боялась этих людей. Каждое утро выходила она в поселок с двумя бидонами, полными камней, и искала новую жертву болезни. И успела завершить еще несколько удачных охот. Но страшнее всего были дни, когда встречался ребенок, который совсем на себя не похож. Его лицо ей говорило: поздно, мне нельзя помочь. Она долго всматривалась, пытаясь отыскать хоть тень надежды. Не найдя, отворачивалась, и молча шла прочь. А люди за ее спиной качали головами: «Глядите, Миртад отметила новую жертву». Этих «непохожих» детей она видела день ото дня, снова и снова, помнила их имена, имена их родных и их предков. А потом они исчезали с улиц. На смену им рождались другие.

В день второй сирены Мириам после полудня снова вышла на улицу. Ее мутило от усталости. Но утром улицы были пустыни, а значит, охота не окончена. Она сощурилась в ясное небо. Оно было спокойно. Миртад с трудом оторвала бидоны от земли и направилась вдоль родной кривой улочки Портовой. В переулке ее остановил патруль, и люди в военной форме попросили ее вернуться домой, и подробно объяснили, как опасно сейчас на улице. Она подождала, пока молодые люди выговорятся, не выпуская бидонов из рук. И двинулась дальше, с трудом переставляя ноги. Военные не решились ее задерживать.

– Старуха спятила. Надо бы доставить ее домой... – слышала она неуверенный шепот из-за спины.

– В мою машину она не сядет.

Хлопнула дверца, и дежурные продолжили патрулирование.

Мириам не смогла далеко уйти. Она рассчитывала, что дорогу осилит идущий, пусть даже такой немощный, как она. Но усталость наваливалась, казалось, сердце колотится вхолостую. Дорога и дома перед глазами темнели, почти угасая. На перекрестке под палящим солнцем старуха села в дорожную пыль. Пока зрение не восстановилось, она ощупью отыскала в пыли еще два камня, и положила их в каждый бидон. Поднялась сначала на четвереньки, потом во весь рост и очень медленно, едва переступая, вернулась к дому.

У своих ворот она увидела другую машину приветливого желтого цвета. Она была не в силах удивляться или о чем-нибудь спрашивать, когда ей вежливо помогли сесть в просторный салон и повезли на запад.

Молча смотрела Миртад в зеркало заднего вида, и видела удаляющийся зеленый забор и два бидона, оставшиеся стоять напротив низкой старой калитки с резьбой в виде головы лошади.

Это было обычное лечебное заведение закрытого типа.

В уютном светлом кабинете за стаканом крепкого сладкого чая Мириам Миртад популярно объяснили, что никто не сомневается в ее умственной сохранности. Тем не менее, она здесь не случайно. Госпитализация – единственный способ сохранить ей жизнь в перевозбужденном пересудами городе. В клинике лечатся люди – жертвы ее так называемого колдовства. Они в это верят. Им тоже требуется кратковременная передышка и возможность без страха вернуться домой. И главное, что жителям Кытгыма надо дать время успокоиться.

Лишь несколько вопросов озаботили веселого мудрого доктора.

– Почему в народе называют тебя Каменной Миртад?

– «Миртад» – значит «камень» по-саяхски. Это моя фамилия.

– Для чего девяностолетней Мириам Миртад два молочных бидона, полные камней?

– Я стара. Эта ноша – мое здоровье. Эта тяжесть толкает ленивое сердце и гонит остывающую кровь.

– Ты боишься смерти?

– Давно жду ее. Боюсь же немощи. Я сильна, в немощи буду лежать, не умру долго. Я одна, милосердия чужих не хочу.

– Почему же камни твои ты носишь в молочных бидонах?

– Ты не знаешь. И никто уж не вспомнит. Муж мой был рыбак, я молочница. Наша Вета, за ней Мура, потом Клыня давали лучшее молоко на побережье. Муж клал фляги на лед и отвозил друзьям из Республиканского порта на баркасе, так оно славилось. Потом ушло море. Ушли богатые степи. Клыня мучилась, не могла принять комбикорм. Вскоре пала. А бидоны остались. Я носила их, сколько помню себя. Это моя ноша.

Миртад раскрыла ладони. На них были сплошные белые мозоли, отполированные до блеска.

– Почему же в бидонах твоих только черные и белые камни?

– Глаза мои зорки вдаль. Вблизи совсем плохи. Черный от белого отличить проще, чем серый от серого.

– Для чего отличить?

– Все еще думаешь – колдовство, доктор? – усмехнулась Мириам. – Ошибаешься. Спина у меня сдает. В каждой руке должен быть одинаковый вес, или здоровье станет болезнью. Я распределяю вес по цвету своих камней. Черный к черному, белый к белому.

– Все гладко, Мириам. Все складно. Только зачем перекладывать камни? Пусть и лежат они так, как сложены, всегда. Каждый в своем бидоне. Одинаковый вес. И порядок, и покой.

– Покой не нужен. В нем пустота. В пустоте зло заводится легче.

– Ты перекладываешь камни, чтобы в них не завелось зло?

Мириам много лет не говорила столько слов подряд. Язык ее отяжелел от разговора. Коротко она ответила:

– Ешь, голодный. Доктор, лечи. Мириам Миртад, молочница из Картэка близ Кытгыма, перекладывай камни. Сегодня нет нужды. А завтра верни мне мои бидоны. Они стоят у моих ворот. О камнях не заботься. Я соберу их здесь. Сама.

6

Вдоль безлюдных дорог выл ветер. Непрерывно. Сегодня так же, как вчера или завтра. Только приезжий, чужой в этих местах, мог слышать его монотонный гул. Но вскоре привыкал, и переставал его ощущать. Становился своим. Когда же большой городской флюгер с черепом барана на здании телеграфа поворачивался на запад, хлопали ставни, с веревок спешно снималось белье, и дети исчезали из подворотен. Даже большой Кытгымский рынок растворялся за считанные минуты. Поселки вымирали, и только женщины с лицами, закутанными в несколько платков, по неотложным делам изредка появлялись на улицах.

Решимость Тома достигла своего предела. Оставшись дома еще несколько минут, она расшвыряла бы вещи, разбила бы все, доступное разбиению и разгромила бы все, доступное разгрому. Особенно ей досаждала мысль, что это мероприятие не нанесет заметного урона ее жилищу. И если все сломать и покорежить, оно останется почти таким, как прежде. Уже когда-то сломанным или покореженным. Она схватила собранный рюкзак и выскочила на улицу. Марина наверняка уже в Кытгыме, а сухая пыль от Славиного джипа еще мутила стоячий воздух под навесом.

Тома взялась за кольцо калитки и повернула его, и тут же с улицы закаркал рупор:

«Внимание! В связи с возможным падением космического мусора просим граждан оставаться в своих домах! Нарушители будут задержаны».

Она присела и замерла, не выпуская из рук кольца. В заборе были трещины с ладонь. Тома не сомневалась, что видна с той стороны, как на ладони. Текли секунды. Похоже, снаружи ее все же никто не заметил. Когда зашуршали и стихли в отдалении шины патрульной машины, девушка, все еще пригибаясь, вернулась вглубь двора и прошла через внутренний выход. Трусой добежав до крайней улицы поселка, она сбавила темп, и по голой степи размеренным шагом направилась в сторону полей. Таким путем пришлось дать приличный крюк, и подойти к полям с северной стороны. Там гнила и тлела свалка отбракованных сельскохозяйственных культур, не подлежащих дальнейшему исследованию. Издали ощущался тошнотворный сладковатый привкус в горле.

Сегодня свалка почти не дымила, и запах гниения с примесью попкорна беспокоил мало. Привлекательное место для аборигенов-охотников за экзотическими трофеями растительного происхождения. Много удивительных по местным меркам плодов выращивалось здесь, токсичных в большей или меньшей степени.

Тома заранее приостановилась и пригляделась, не мелькнет ли у свалки желтый костюм химзащиты охраны. Но нет, похоже, всеобщий приказ оставаться дома распространялся и на них.

Тома натянула маску и свободно направилась вдоль бесконечных насыпей. Она вновь подумала о Павле. На ум пришел случай, как в позапрошлом году сотрудники Академии сами участвовали в охране своей свалки. Была очередь Томиного дежурства, а Павел помогал ей в виде добровольного самопожертвователя.

В тот же миг в Кытгыме, в лаборатории, Павлу пришло в голову то же самое воспоминание. Оно было таким ярким, что он отвлекся от отчета, обсуждаемого на планерке. Уверенный голос Марины отдалился и потускнел.

Марина всей кожей почувствовала потерю контакта. Она поймала его рассеянный взгляд и поняла: Павел сейчас где-то далеко отсюда, не с ней. Его глаза действительно видели совсем другую картину. Он и Тома на краю необъятной свалки.

Тогда, стоя в «мусорном оцеплении», как называл это Павел, Тома свистела сквозь зубы песенку из «Золотого ключика». Ноябрьские заморозки покрыли дорогу тонкой наледью. Ее касалась луна, и под ней, как по морской глади, вдаль уходила лунная дорожка. Тома подобрала бумажку, свернула кораблик и отправила его в сухое плавание. Она шурилась, и от этого кораблик плыл, покачиваясь в морозных слезах.

Колченогая лавка из железных прутьев, казалось, стремилась к температуре абсолютного нуля. Плевок, например, примерзал к ней при самом скромном касании. Тома проверила. Она мерзла, отказываясь это признавать. Павел, который участвовал в акции на добровольных началах, боролся со сном известным методом японских самураев. Метод был прост: лишь только сон одолеет героя, его верный вассал должен воспротивиться этому в любой доступной форме. Так, едва огонек его сигареты замедлял свое движение, а затем и вовсе замирал и тускнел, Тома снимала перчатки, и изо всех сил хлопала у самого его уха. Он раскрывал глаза, изумленно бормотал что-то невнятное о помидорах, и после еще некоторое время оставался дееспособен.

– Ненавижу твою работу. Ты не хочешь пойти нянечкой в детский сад? Выспавшись, наша семья будет готова к новым свершениям...

– Я дежурю только один раз в три недели. А тебя, в конце концов, никто сюда не приглашал. Я должна была с Толиком пойти.

– Я тебе пойду. «С Толиком».

– Ревнуешь? Какая прелесть. В конце концов, здесь очень неудобно. – Тома зябко поежилась.

– Видел, видел я вашего Толика. Очень похож на Зигмунда, только более лопухий. Да, кстати, что именно здесь – неудобно? – поинтересовался Павел.

Тома пропустила вопрос мимо ушей.

– Тебе не кажется, что, называя контрольную крысу именем гения психоанализа, ты выглядишь глупо?

– Все нет. У Славы Альц Геймер, у Димки Симонетта Веспуччи, и никто не умер. Ну, то есть, Геймер издыхал уже несколько раз, но Слава человек традиций и не намерен менять славное имя ради каждой новой крысы. Мы с моим бессменным Зигмундом стопудово круче всех. А ты займись своей редиской и не лезь в наши антропо-зоологические отношения.

Павел не злился. Он просто всегда вредничал, когда хотел спать.

Тома подошла, села вплотную к нему на лавку и объявила:

– Я лезу, потому что мерзну.

– Что же ты молчишь?

Он торопливо расстегнул куртку и засунул в нее Тому, сколько поместилось.

Тома быстро согрелась и расслабилась. Она положила голову ему на плечо, прикрыв замерзший нос его воротником, и стала смотреть на звезды. Когда они начали переливаться и превращаться в светящиеся радужные круги, из-за спины, со стороны темных полей, раздался низкий хриплый вой. Звук был далекий, протяжный и вместе с тем прерывистый, будто животное не было уверено, выть или лаять. Тома, спеша оглянуться, забилась и запуталась в чужой куртке.

– Тише, тише... испугалась?

– Что это? Что это было?

– Что-что? Собака.

– Откуда там взяться собаке? – Тома наконец высвободилась. Подошла вплотную к ограде, схватилась пальцами за решетку и вгляделась в темноту.

Павел неслышно подошел к ней сзади.

– Нос откусит, – пошутил Павел, неожиданно схватив Тому за плечи.

Тома не шелохнулась. Не ответила. Она замерла, как охотник, отслеживающий чуткую добычу. В такие минуты Павлу становилось не по себе. Это сложно было объяснить словами.

Что-то вроде того, что девчонке нормально было бы вздрогнуть от неожиданности. Сам он в этот момент уж точно подскочил бы. В голову лезли тревожные мысли. Если эта тварь полезет из-под колючей проволоки... Павел окинул взглядом свалку, но ничего тяжелее обгоревшего черенка лопаты поблизости не оказалось.

Тома постояла еще несколько минут, но звук не повторился.

Она разочаровано оттолкнула решетку, повернулась к Павлу и грустно сказала:

– Есть хочется. Правда? И никакая это не собака. Звук у нее не собачий. Может, шакал?

Они здесь есть?

– Есть, наверное, – солгал Павел.

Он притянул ее к себе и до утра не отпускал дальше, чем на шаг.

В потоке воспоминаний добравшись, наконец, до высоких ворот с электронным замком под личный электронный ключ, Тома раздумала им пользоваться. Система зафиксировала факт прохода на территорию автоматически. Кто прошел, когда прошел. Незачем это, нормальные герои сидят дома, чтут распоряжения начальства и не беспокоят по пустякам патруль. Поэтому она прошла чуть подальше, легла на землю и подкатом нырнула под проволочное ограждение. По другую сторону она встала на четвереньки, втянула за собой рюкзак, а после двинулась напрямик через чей-то участок, засаженный кукурузой. Оказавшись среди рослых массивных стеблей, она будто попала в большой высыхающий лес. «Сколько можно ее тестировать? Уж с кукурузой никогда не было проблем!» (ее раздражение было связано не столь с хорошей чьей-то кукурузой, сколь с плохой собственной пшеницей).

Тома добралась до внутреннего ограждения, миновала его тем же способом, и оказалась на знакомой дороге. В отдалении, где-то возле ее собственного участка, посреди светлой бетонной полосы мутнела темная клякса. Неожиданно она встревожила девушку так, что та остановилась. В послеполуденном пекле от раскаленного тела дороги поднималось марево, и в нем казалось, что на земле что-то подвижное, живое. Озадаченная, Тома сняла маску. Ясности не прибавилось. Дорога буквально плавилась, на таком расстоянии ничего нельзя было рассмотреть. Тома обозвала себя дурой и пошла навстречу кляксе. Наверняка это мертвая птица. Поля заражены, и труп птицы, должно быть, обычное здесь дело. Раньше они валялись здесь сотнями, так говорили старожилы. Правда, сама Тома никогда их здесь не видела. Складывалось впечатление, что к ее приезду в Кытгым все пернатые давно вымерли или навсегда покинули эти места. Но чем-то это должно было быть? Вот сейчас и посмотрим.

Тома почти совершенно точно разглядела, что это простая рабочая, брошенная кем-то, масляная тряпка, когда клякса вновь шевельнулась и поднялось на четырех ногах ей навстречу. Перед Томой стояла собака.

Сердце девушки забило быстрее. Тома никогда не боялась собак. Собственная тревога немало ее удивила. Она не отрывала глаз от животного, как вдруг над ее головой раздалось свистящее шипение. В мутном небе возникла дрожащая белая точка, зашипела, с огромной скоростью чиркнула свод почти до самого горизонта, и погасла, не достигнув земли.

«Интересно, кто-нибудь еще это видел?» След горящего осколка разделил небо пополам точно над дорогой, будто прочертил ее небесное отражение. Тому посетило непреодолимое чувство нереальности происходящего. Голова стала легкой, мысли цветными. Она оторвала взгляд от неба и рассмотрела собаку. Животное было истощено и казалось больным. Невысокая, размером с сеттера, от худобы собака казалась еще меньше.

«Сейчас я тебя поймаю и заберу домой. Постарайся не издохнуть до завтра. А завтра Пашка с тобой разберется...»

Тома сняла куртку и как ловчую сеть накинула ее на собаку. Легкая ткань погребла под собой животное. Снаружи казалось, что оно просто исчезло. Необитаемая на вид куртка плоско и неподвижно лежала в пыли на дороге. Тома встала перед ней на колени, склонилась и осто-

рожно приподняла край. Пусто. Еще немного – тот же результат. Ей казалось, что хитрая тварь затаилась, и, выбрав момент, кинется ей в лицо. Девушка сделала паузу, выдохнула и рывком приподняла полу и один рукав. Под ними лежала узкая черная морда с блестящими глазами, и издавала тяжелый сиплый задыхающийся звук. Тома нахмурилась, убрала куртку и погладила влажную шерсть на боку. Собака повела хвостом и начала приподниматься, чтобы лизнуть ей руку. Требовалось что-то предпринять, и немедленно. Какие-нибудь реанимационные меры. Какая-нибудь еда. Еды с собой не было, но Тома вспомнила про бутылку с водой. А вдруг это жажда? Очень вероятно. Нигде в округе нет доступной питьевой воды.

Тома продолжала гладить собаку, а свободной рукой достала из рюкзака бутылку. Никакой промежуточной тары вроде стакана не подвернулось. Поэтому Тома зубами свинтила крышку, налила воду в руку, и протянула ее животному. Она не успела понять, как все произошло. Только через секунду оказалась совершенно одна, стоящей на коленях посреди дороги среди брызг воды и с прокушенным пальцем.

«Только и всего?» Тома усмехнулась, осматривая свои повреждения. Крошечная ранка сильно кровила. Между тем сердце колотилось, как бешенное. «Для общения с диким зверем надо было надеть рукавицы». Она поднялась на ноги, для очистки совести покричала немножко про Шарик и пошла заканчивать работу. Настроение ее улучшилось. «Никаких издыхающих собак. А только резвые, да еще какие резвые, активные животные. Но какова комедиантка! Мне бы такое проворство».

Тома завела трактор и встала на полосу. Полполя темнело пустотой, половина все еще колыхалась живыми белыми рядами. «Сегодня допашу».

Когда работа была близка к концу, почти совсем стемнело. В закатном небе все ярче и ярче разгорался длинный ровный шрам, повторявший линию дороги. Он светился сильнее молодой неокрепшей луны.

7

Далеко-далеко на север был маяк. Тома его никогда не видела, но знала, что он там. Это огромное творение рук человеческих восставало среди голой пустыни бессмысленно и неколебимо. Его неприступный обнаженный фундамент высотой с пятиэтажку делал его недостижимым для пустынных обитателей. Тело маяка на нем было поистине гигантским. Дно Мертвого моря у его подножия было испещрено порогами. Поэтому место это считалось непроезжим. Нигде дорога не подходила достаточно близко, чтобы его башню можно было увидеть даже издали. Не раз Тома проезжала всю северную дорогу с биноклем. Она спрашивала о маяке у старожилов. Все помнили его, но как туда теперь добраться, никто не знал. «Морем...» – был ответ.

Морем.

Впервые она увидела маяк 22 апреля, на старом настенном календаре, висевшем в подсобке начальной школы. Был всеобщий субботник и, пока детвора усердно размазывала грязь по собственным партам, Тома в компании немногих взрослых меняла им воду в ведрах. Рабочий шланг выходил из кафельной стены подсобки первого этажа. Тома спускалась в нее едва ли не в десятый раз, когда календарь вдруг приковал ее взгляд. Среди пыльных захламленных полок, за стопкой ведер и грудой старых деревянных швабр висела выгоревшая картинка. Год был оторван, числа выцвели. На изображении был шторм, и огромная волна била в маяк так, что его колонна полностью скрывалась в брызгах. Оставалась видна лишь часть красного фонаря и решетки, защищавшей смотровую площадку.

– Что, деточка, тоже нравится наш маяк?

Тома не знала, сколько времени провела у календаря и чем были заняты ее мысли. Только вернувшийся завхоз зажег свет, и Тома поняла, что стемнело и изображения уже почти не видно, а ведро в ее руках подсохло по краю.

– ...Ваш маяк? – словно просыпаясь, повторила она.

– Наш. И твой, если хочешь.

Завхоз забрал ее ведро, закричал, тяжело согнул колени и сунул его в самый низ стопки. Грохот оцинкованного железа окончательно разбудил Тому, она не без труда выбралась из захламленной подсобки. Уже отвернувшись, чтобы уйти, она расслышала слова и вежливо приостановилась.

– ...далеко-далеко на север стоит на отмели черный маяк. Он умер раньше, чем ушло море. Дно обмелело, перестали ходить корабли... глаз маяка погас. Но нет. Дай только срок. Пески отступят, вернется море. А маяк уж есть. Не веришь? Его ведь не на годы, на века строили...

– А насколько он далеко?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.